

Весь период оккупации я проживала в деревне Залытаринке и работала в своём хозяйстве. В первую немецкую оккупацию в наше село очень часто приходили партизаны, где мужчины из нашего села сами были в партизанах, большинство жителей нашего села имели партизанские связи и оказывали им помощь. Хорошо помню, как 1 мая 1943 года в нашу деревню Залытаринку пришло очень много партизан. Партизаны вели митинг, посвященный празднику 1 мая. Митинг был на высоте, где сейчас установлен памятник погибшим партизанам. На этом митинге было много жителей нашей деревни, присутствовали жители других деревень, сама я также была на этом митинге. Партизаны на митинге рассказывали о положении на фронте, рассказывали о борьбе советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Митинг этой закончился в обеденное время, после чего партизан из нашей деревни куда-то уехало, а часть осталась в нашей деревне. В нашем доме также было несколько партизан, которые были на митинге.

На следующий день, то-есть 2 мая 1943 года, около 6 часов утра в наше село прибыл из Туродичей какой-то карательный отряд. Сразу по селу прошла конная разведка этих карателей, а зайцы

Подпись

Берман

99
в село прибыло много карателей. Каратели сразу
сжигали деревню, сжигали дома и сирот-
швей, были ли в нашей деревне партизаны. Сразу
же после прибытия в нашу деревню каратели на-
шли стрельбу, они использовали минометы, у которых нахо-
дились в доме какие-либо предметы и вещи, принадле-
жащие партизанам. Я видела, как эти каратели
убивали нашего соседа Лобейко Юрия, а затем рас-
стреляли его прямо на улице. После расстрела Ло-
бейко каратели схватили отца моего мужа Бернаи
Камышича Соколовых, сжигали убивали его, сжигали
у него над головой, затем убили его куда-то в
широкую болото. Как оказалось позже, отца моего
мужа каратели расстреляли в доме Пимичика
Ивана, где мы нашли его тело.

Примерно около 9-10 часов утра с карателями выбу-
шили в бой партизаны, которые обитали в де-
ревне. Партизаны залегли на высоте, которая нахо-
дится около деревни Барбаринье и где сейчас нахо-
дится кладбище. Бой длился продолжался до обеда,
а затем партизаны выступили, поэтому что карате-
лей было больше. Когда был бой между парти-
занами и карателями, то я была с ребенком дома.
После окончания боя каратели сжигали расправляются
с мирными жителями нашей деревни. Они расстре-
ливали мирных жителей в домах, на улице и в
других местах, где им только попадались люди.
Трупы расстрелянных стигали вместе с постройками.
Когда бой закончился, то я вместе с ребенком и своей
родственницей Берной Ольгой пошли к реке и спрята-
лись, чтобы не быть убитыми. Однако нас возле

Подпись

Бармант

реки обнаружили карайтлы и признали
в дом Михаила Ильи Филиповича. В доме Ми
на было уже около 20 человек местных жителей
Карайтлы обратились к согнанным жителям с во
просом, где находятся наши драгоценности, где
наши оружие. Мы ответили, что оружие у нас
никогда не было и нет, а все своё имущество
мы вынесли на улицу, чтобы оно не сгорело.
Затем карайтлы приказали нам всем лечь на
пол, а сами стали заряжать пушки автоматов.
В доме Михаила, как мне помнится, было двое кар
айтлы, которые стали нас расстреливать из авт
оматов, но летящими на полу людьми. Я сразу
же была ранена в левую плечу, мой груд
ной сын Николай сразу же был карайтлами убит
и оставался лежать рядом со мной. Были убиты
и другие местные жители, которые были согнаны
в дом Михаила Ильи. Расстреляв всех жителей
дома Михаила, карайтлы из дома ушли, а через
непродолжительное время в дом опять вошли
несколько черных карайтлы. Были ли это те же
карайтлы, которые нас расстреливали, или это
были уже другие карайтлы, сказать затрудня
юсь. Эти карайтлы стали добивать тех, у кого были
какие-то признаки жизни. На этой ра
карайтлы ранили меня в голову, но я продо
лжала лежать, не проявляя никаких призна
ков жизни. Кроме того, я была ранена в
кисть правой руки, была ли я ранена в кисть
руки сразу, или меня в руку карайтлы
ранили, когда добивали людей, я уже точно

Подпись
Выведенное слово, "стреляя" чиндиль
Тирнам
Дубовару

не помню. Я только помню, что этой рукой держала уже мертвого моего сына Николая. После расстрела людей в дом Лижана Цыги караванцы заходили дватца, они добывали тех, кто был еще жив. Помню, что караванцы, приходившие добывать людей в дом Лижана, говорили по-русски. Я слышала, как один из них сказал: "...хвощи сметать, расхаживать по домам". Однако никто из этих караванцев не ответил, все, в этот вечер и я, оставалась спать. Другой караванец сказал, что "...все счет, не поднимается никто", после чего караванцы из дома ушли и больше в дом не заходили. В доме Лижана было расстреляно около 20 жителей нашей селы, в живых осталось только я, Лижан Николай и Букрий Юна. Лижан Николай тогда был маленьким, ему было лет 7, он был несколько раз ранен, а Букрий Юна даже не была и ранена. Сама я как-то выпозла из дома Лижана Цыги уже после уезда караванцев и меня направили оставаться в живых жителях. После расстрела жителей деревни Застаринье, караванцы наше село сожгли, уцелело только несколько домов, в этот вечер какими-то чудом оказалась не сожжеными и дом Лижана Цыги. Как именно происходило формирование караванцев, которые принимали участие в расстреле жителей деревни Застаринье сожжеными деревни, я не знаю. Мне только было известно со слов местных жителей, кого конкретно, не помню, что эти караванцы располагались в Геродине и в Великом Селе. Всего 2 мая 1943 года было расстреляно в деревне Застаринье около 360 местных

Подпись Терншт

АРХИВ

титулей, среди которых было много теней шариков
и детей, а также около 20 человек жоржован. В насто-
ящее время в нашей деревне убитановсем наметки,
где указаны фамилии Белых зверски расстрелянных
титулей деревни Засбаринь. Многие из расстрелянных
были сожжены в домах, останки некоторых из расстре-
лянных были закопаны родственниками на клад-
бище деревни Засбаринь.